

Священник Сергей Богданов,
студент V курса Тамбовской духовной семинарии

Первый период пребывания епископа Михаила (Чуба) на Тамбовской кафедре с 1961 по 1962 год

Взаимоотношения Русской Православной Церкви, власти и общества на протяжении первой половины XX века характеризуются как самые трагичные в истории России: таким масштабным гонениям верующие не подвергались за все время существования Православия на Руси. На короткое время государственная политика тотального истребления христиан и уничтожения Церкви сменилась «оттепелью», после которой последовала коварная тактика планомерного разрушения церковного организма изнутри.

Одним из ее механизмов стала реформа церковного управления 1961 года, позволившая властям с помощью монополии церковных советов на финансово-хозяйственную деятельность приходов почти полностью контролировать административно-хозяйственную жизнь в епархиях, отстранив при этом духовенство от реальной власти на приходах. Самую активную роль во всех этих процессах играли созданные при сельских советах и городских и районных исполкомах комиссии содействия по выполнению законодательства о культах. Наряду с антирелигиозной пропагандой, которая достигла в эти годы своего апогея, они с помощью законодательных актов запрещали крестные ходы, паломничества и посещения святых источников, вели борьбу с колокольным звоном¹.

Еще одним из методов дезорганизации церковной жизни, подрыва стабильности и ослабления деятельности Русской Православной Церкви служили планомерные действия Совета по делам Русской Православной Церкви, направленные на частую смену управляющих епархий. Для того чтобы архипастырь не мог закрепиться в епархии, приобрести авторитет и необходимый опыт, наладить

¹ Левин О.Ю. Тамбовская епархия в 1962–1974 гг.: лекции [Электронный ресурс] // История Тамбовской митрополии: документы, исследования, лица: [сайт]. URL: <http://www.tambovdoc.ru/issledovaniya/27-itogi-transformatsii-1970-1980-e-gg.php>. (дата обращения: 03.05.2014).

четкую систему управления, его через год-два переводили на другую кафедру. Такая практика велась почти до середины 1970-х годов и нанесла большой вред устроению епархиальной жизни.

В 70–80-е годы прошлого века церковная жизнь на Тамбовщине, как и всей Русской Православной Церкви, характеризуется большей стабильностью, чем в предыдущее десятилетие. Хотя отношение государства к Церкви в основном было прежним, особых потрясений в этот период не происходило. Карательные меры в контроле над Церковью, безусловно, продолжали оставаться, теперь они направлялись против конкретных лиц среди священнослужителей и прихожан, попадающих в список неблагонадежных и вызывающих подозрение со стороны уполномоченных. На общем фоне этой политики «застоя», как называют ее историки, эти репрессивные меры воспринимались уже как отдельные эксцессы, без которых советское государство не могло совсем обходиться².

В этот сложный для Церкви исторический период 60–80-х годов прошлого столетия Тамбовской епархией дважды управлял архиепископ Михаил (Чуб). Первый раз епископ Михаил получил назначение на Тамбовскую кафедру в марте 1961 года. К тому времени у владыки были опыт преподавания в Ленинградских высших духовных школах, работа заместителем председателя в Отделе внешних церковных сношений, участие в зарубежных церковных конференциях и съездах и архипастырское служение в Смоленской, Берлинской и Ижевской епархиях, а также управление Патриаршими приходами в Финляндии. Но послушание на Тамбовской кафедре потребовало от епископа Михаила принятия качественно новых решений по управлению епархией.

В Тамбов епископ Михаил приехал 19 апреля 1961 года, а фактически приступил к обязанностям только в июле: ездил в Ижевск за вещами, в Саратов, а затем в Симферополь на похороны архиепископа Луки. С архиепископом Лукой владыку Михаила связывали давние дружеские отношения. Жизнь и служение святителя служили для него ярким примером. Еще в самом начале своего архипастырского пути, будучи молодым епископом Лужским, владыка едет в Симферополь знакомиться с архиепископом-хирургом, как называл себя святитель Лука.

² Левин О.Ю. Указ. соч.

«Я переступил порог и увидел владыку, который стоял посредине кабинета. Руки его беспомощно шарили в воздухе: он, очевидно, пытался сыскать затерявшиеся кресло и стол. Я назвал себя и услышал низкий, твердый голос, который совершенно не согласовывался с позой хозяина дома: „Здравствуйте, владыка. Я слышу Ваш голос, но не вижу Вас. Подойдите, пожалуйста“. Мы обнялись. Завязалась беседа. Его интересовала и моя служба, и где я учился, кто были мои учителя. Во время разговора он встал и включил огромную мощную лампу позади часов с прозрачным циферблатом. Явно напрягаясь, сам разглядел время. Я и потом замечал: все, что только мог, он делал сам. Слепота не подорвала его волю и не разрушила яркости восприятия: когда я спросил, видит ли он сны, владыка ответил: „О, еще какие! В цвете!“»³.

В день Ангела архипастыря епископ Михаил присутствовал на торжественном молебне. Он вспоминает, что в храме священники водили архиерея под руки, а когда кончился молебен и торжественные речи, он, как будто прозрев, вышел на паперть самостоятельно. У выхода его ждала толпа людей с цветами: «Дорогой наш доктор...». Владыка стоял, улыбаясь, среди недавних пациентов, благословляя их⁴.

Правдивый и благородный, как значительно позже охарактеризует архиепископа Михаила в своих воспоминаниях архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин), который неоднократно приглашал владыку на съезды и конференции патрологов в виду того, что епископ Михаил хорошо знал европейские языки и работал над творениями Мефодия Олимпийского, епископ Михаил очень понравился всем присутствующим на дне Ангела в доме святителя⁵. В письмах к сыну архиепископ Лука напишет об этом, подчеркнув при этом самую главную добродетель владыки, которую он в нем сразу же заметил – любовь.

Этим качеством своего характера владыка Михаил мужественно и неустанно покрывал и в дальнейшем все скорби и неурядицы, гонения и недоброжелательства, которыми сопровождался его апостольский труд.

³ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. «Я полюбил страдание...». М., 1996. С. 189.

⁴ Там же.

⁵ Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи: митрополит Николай (Ярушевич) и митрополит Никодим (Ротов). СПб., 2003. С. 42.

Движимый любовью, владыка летит в Симферополь на отпевание любимого архипастыря. По Промыслу Божию распоряжением Патриархии епископа назначили организатором похорон святителя Луки.

Боль утраты горячо любимого всеми архипастыря и доктора, по воспоминаниям епископа Михаила, была усилена горечью бесконечных споров и переговоров над гробом Симферопольского архиепископа. Сначала представители местной власти запретили представителю Московской Патриархии, епископу Михаилу, служить панихиду. Владыке пришлось звонить в Москву, после звонка городские власти запрет сняли, но выдвинули свои условия организации похорон: не нести гроб на руках, все сопровождающие должны ехать только в автобусах, не создавая пешей процессии, и не должно звучать никакого пения. Власти хотели похоронить архиепископа в пять часов вечера, и ни минутой позже: тихо, быстро и незаметно.

Владыке Михаилу казалось, что нескончаемым переговорам не будет конца: после посещения им горисполкома его председатель вечером снова приехал на Госпитальную улицу, где находился гроб с телом почившего архиерея, и опять говорил о ритме городской жизни, который нельзя нарушать, о загруженности центральных магистралей и прочих, на его взгляд, сложностях. Но Господь судил по-другому: епископ Михаил совершил отпевание святителя при огромном стечении верующих и при сослужении почти всего крымского духовенства.

«Я распорядился, – рассказывал потом архиепископ Михаил, – чтобы прощание с владыкой не прекращалось всю ночь, и всю ночь к собору шли люди. Дни стояли жаркие, душные, но те, кто пришли прощаться, как будто не замечали духоты. Народ теснился в соборе и вокруг него круглые сутки. В полдень тринадцатого, когда мы обнесли тело покойного владыки вокруг собора, у входа уже стоял автокатафалк, за ним машина, доверху наполненная венками, потом легковая машина для архиепископа, автобусы с родственниками, духовенством, певчими. Оставалось еще несколько машин для мирян, желающих участвовать в проводах, но в эти автобусы никто садиться не хотел. Люди тесным кольцом окружили катафалк, вцепились в него руками, будто не желая отпускать своего архиерея. Машины долго не могли двинуться со

двора. Запаренный, охрипший уполномоченный бегал от машины к машине, загонял в автобусы, уговаривал „лишних и посторонних“ отойти в сторону, не мешать. Его никто не слушал. Наконец, кое-как с места сдвинулись. По узким улочкам Симферополя катафалк и автобусы могли идти со скоростью, с которой шли пожилые женщины. Три километра от собора до кладбища мы ехали около трех часов...»⁶.

Проводив святителя в последний земной путь, епископ Михаил возвратился в Тамбов и начал изучать положение дел на вверенной ему кафедре, которое оставляло желать лучшего и ничем примечательным от устройства дел на других кафедрах не отличалось.

«Церковные дела мучительны, – пишет в 1960 году накануне печально известной перестройки церковных отношений архиепископ Лука в письме к сыну. – Наш уполномоченный, злой враг Христовой Церкви, все больше и больше присваивает себе мои архиерейские права и вмешивается во внутрицерковные дела. Он вконец измучил меня»⁷.

Такие же грубые действия властей по отношению к управляющему епархии ощущал на себе и епископ Михаил. Еще в Ижевске он испытал их в столкновении с крупным местным партийным работником, бывшим секретарем Ижевского горкома КПСС, уполномоченным Д.М. Шестаковым. Владыка понимал, что от этого противостояния во многом зависела дальнейшая судьба епархии. Но ни энергичный характер епископа, ни высокий интеллект, ни сила воли не смогли тогда преодолеть мощь партийно-государственной машины.

Будучи назначен с марта 1959 года епископом Ижевским и Удмуртским, владыка с первых же дней заслужил любовь и уважение местного духовенства и прихожан, притягивая их к себе высокообразованностью и редким даром проповедничества. Много сил и внимания уделял он благолепию храмов, что не могло не возмущать уполномоченного. Первые столкновения с властью произошли именно на этой почве. Епископ задумал обновить всю живопись в Троицком соборе Ижевска, начав золочение иконостаса. Д.М. Шестаков, видя в этом умысел «упрочения влияния церкви на верующих», обратился в обком партии, МВД и Совет Министров

⁶ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Указ. соч. С. 202–203.

⁷ Там же. С. 194.

УАССР, требуя: «Не допустить скупки золотых предметов для позолоты иконостасов. С моей стороны, – писал секретарь горкома, – будут приняты самые настойчивые меры к предотвращению расходования денежных средств на эти цели»⁸.

Далее была устроена провокация, в ходе которой епископу были предъявлены обвинения и предупреждения об уголовной ответственности за «расточительство денежных средств» и «дачу взятки» на оптовой базе для закупки красок и олифы.

Владыка не внял предупреждению и, согласуясь с апостольскими правилами, продолжал нести свой крест архипастырского проповедничества: украшал и освящал храмы, рукополагал ставленников в священнический сан, произносил пастырское слово с амвона, защищал православные святыни и святые источники. На это власть подготовила серию фельетонов и других публикаций в местной прессе, порочащих владыку.

Развязанная в прессе кампания травли епископа приобрела республиканский масштаб, по настоянию партийных идеологов фельетоны были перепечатаны многими районными и городскими газетами Удмуртии, что дало формальные основания рапортовать в Москву о «всенародном возмущении». Это было началом сигнала о первом этапе ликвидации епархии. В феврале 1960 года секретари райкомов КПСС, заведующие отделами агитации и пропаганды, редакторы газет собрались в Ижевске для «координации анти-епископской-антиепархиальной пропаганды». Любое проявление со стороны клира недоверия к развернувшейся газетной кампании приводило к снятию с регистрации и вызывало обвинения в «выступлениях против советской печати»⁹.

В сентябре 1960 года Д.М. Шестаков принял решение снять с регистрации и самого епископа, запретив ему служить, хотя не имел на это полномочий: решение этого вопроса было только в компетенции Совета по делам Церкви. Не последнюю роль в принятии такого решения послужили факты личного восприятия уполномоченным управляющего епархией. С первых дней прибытия епископа Михаила в Ижевскую епархию уполномоченного задевало несоответствующее, по его мнению, «отношение

⁸ Шумилов Е.Ф. Православная Удмуртия. История Ижевской и Удмуртской епархий. XX век. Ижевск, 1996.

⁹ Там же.

к номенклатурной иерархии», которая ставила себя выше Церкви. Особенности возмущения вызвало отсутствие должного рвения получить регистрационный документ.

«Владыка Михаил, – писал в Москву уполномоченный, – ... открыто насаждает в епархии тенденции безраздельного признания его воли и беспрекословного диктата».

7 июля 1960 года Д.М. Шестаков обратился к руководителю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР В.А. Куроедову с предложением упразднить Епархиальное управление в Ижевске:

«Создание его привело к укреплению влияния православной церкви и духовенства... Епископ Михаил придерживается курса недоброжелательного отношения к политике КПСС и Советского Правительства по отношению к религии и церкви, а также к внешней политике Советского Правительства».

Но, несмотря на тщательно подготовленный процесс по ликвидации епархии, в Москве нужное решение не было сразу принято, требовалось соблюсти формальности.

24 ноября 1960 года состоялось закрытое заседание Совета Министров республики Удмуртии, на котором обсуждались нарушения епископа Михаила в управлении епархией. Принятое по итогам заседания постановление утверждало, что он «допускает грубые нарушения советского законодательства о культах, игнорирует указания государственных органов, контролирующей деятельность духовенства и православной церкви».

Для устранения этих «грубых нарушений» было решено:

1) считать невозможным дальнейшее пребывание его в УАССР в качестве правящего епископа епархии;

2) учитывая небольшое количество в УАССР православных церквей, считать нецелесообразным дальнейшую деятельность в УАССР Епархиального управления;

3) поручить С.А. Ефремову войти в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР с докладной запиской по этому вопросу.

Таким образом, взаимосвязь в Постановлении между «грубыми нарушениями» со стороны конкретного епископа и требованием ликвидации епархии характеризуется полным отсутствием логических связей, а «небольшое количество церквей в УАССР»,

служившее еще одним из аргументов упразднения епархии, стало следствием действий самого Правительства УАССР¹⁰.

25 ноября 1960 года Правительство УАССР обратилось к В.А. Куроедову с еще одним письмом о нарушениях советского законодательства о культах управляющим Ижевско-Удмуртской епархией – епископом Михаилом. В нем, как и в предыдущем письме настаивалось на упразднении в Удмуртии Епархиального управления. Московская Патриархия опротестовала действия Правительства Удмуртии и предприняла все меры к сохранению епархии. Вследствие этого весной 1961 года Правительство УАССР по настоянию уполномоченного просит Совет по делам Русской Православной Церкви ускорить принятие решения по письмам. Среди доводов к ликвидации епархии подчеркивалось то, что в ней «лишь 25 церковных общин, из них 5 являются настолько ослабленными, что в самый короткий срок они неизбежно придут к самоликвидации». По прошествии малого отрезка времени давление Совета на Московскую Патриархию возросло, и 16 марта 1961 года Священный Синод все же был вынужден согласиться с предложением Совета. Епископ Михаил был отстранен от руководства епархией с формулировкой «иметь в виду для следующего назначения», а Епархиальное управление в Ижевске упразднено: церковные приходы Удмуртии присоединили сначала к Кировской епархии, а позже к Татарской.

Получив назначение на Тамбовскую кафедру, владыка Михаил столкнулся с подобным отношением к себе уполномоченного, но с одной существенной разницей: теперь действия представителя власти согласно принятому на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в июле 1961 года новому «Положению об управлении Русской Православной Церковью» приобретали законный характер. Вся хозяйственная и административная власть переходила от настоятелей храмов к церковным исполорганам¹¹. Для Церкви, находившейся в это время в тяжелейшем положении, принятый под нажимом государства документ стал настоящей катастрофой.

После приобретенного опыта в Ижевской епархии епископ Михаил, испытав на себе действие мощного антирелигиозного механизма пропаганды государственной машины, решил, исполняя

¹⁰ Шумилов Е.Ф. Указ. соч.

¹¹ Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1700–2005. М., 2010. С. 515.

апостольские установления, направить все свои усилия на соблюдение малого стада. Воспринимая атеизм как неизбежное зло, которое пришло на землю не без поущения Божиего и охватило все европейские страны, владыка видел, что повсюду, несмотря на успех пропаганды атеизма, сохранилось и продолжает сохраняться малое Христово стадо. Эта забота о малом стаде и стала основой его епископского служения как в эти, так и дальнейшие годы. Продолжая апостольское преемство, он следовал словам апостола Павла: «... для всех я был всем, чтобы спасти хотя бы немногих» (1 Кор. 9: 20–22).

«Положение об управлении Русской Православной Церковью» не было неожиданным. Вопрос о самостоятельности церковных советов в епархиях неоднократно обсуждался на совещаниях в Совете.

В отчете Совету по делам Русской Православной Церкви тамбовский уполномоченный А.И. Заворыкин сетовал на то, что у церковных советов в епархии нет никакой самостоятельности. С тех пор как в 1955 году отменили регистрацию церковных советов, кандидатуры в них утверждал епископ, благодаря этому удавалось избежать склок и конфликтов. Настоятели, пользуясь поддержкой архиерея, подбирали в церковный совет верующих по своему усмотрению и также легко их смещали.

«Прошлая практика выдачи регистрационных справок исполнительным органам и ревизионным комиссиям церквей, проводившаяся архиепископом, – писал тамбовский уполномоченный в Совет, анализируя проведение реформы 1961 года, – предоставляла большое поле деятельности духовенству по подбору исполнительных органов и ревизионной комиссии. Уполномоченному не удавалось приблизить к себе отдельных членов этих органов, так как либо они были вместе с настоятелями, либо притеснены ими и боялись что-либо сказать уполномоченному. В настоящее время становится легче связываться с ними и давать советы по разным вопросам»¹².

Исполнительные органы должны были следить за деятельностью священника и доносить на него, в противном случае уполномоченный грозил им увольнением с работы: «всякий ремонт в храме обсуждать с уполномоченным, независимо от согласования настоятелем этого вопроса с архиепископом, – в числе прочих пунктов советовало предписание церковным советом, а также, – информировать уполномоченного о каждом вопросе жизни общины, кроме обрядовых.

¹² Чеботарев С.А. Тамбовская епархия 40–60 гг. XX века. Тамбов, 2004. С. 223.

Если будет установлен факт работы священника с детьми, а члены исполнительных органов вовремя не сообщат об этом ему или сельсовету, то они будут нести самую суровую ответственность»¹³.

С принятием «Положения об управлении Русской Православной Церкви» все реальные права перешли к церковным советам, через которых действовали уполномоченные, минуя управляющих епархиями, а вся административно-хозяйственная деятельность переместилась из епархиальных управлений в гор(рай)-исполкомы, которые контролировали исполнение решений облисполкомов и крайкомов. В связи с тем, что новый управляющий епархией, епископ Михаил, выполнял в это время послушания Московской Патриархии и отсутствовал в епархии, мартовские решения 1961 года были доведены до исполнения лишь в июле.

10 июля 1961 года владыка Михаил разослал всем настоятелям храмов циркуляр, в котором подробно изложил суть нового положения об управлении Церковью: «Согласно указанному постановлению Священного Синода, отцы-настоятели храмов обязаны осуществлять духовное руководство приходом, заботиться о богослужбной стороне приходской жизни и выполнять требы по желанию верующих. Как не входящие в состав исполнительных органов отцы-настоятели не должны участвовать в хозяйственно-финансовой деятельности приходской общины», – сообщалось в циркуляре и далее разъяснялось, что «для осуществления хозяйственных и финансовых функций каждая приходская община в соответствии с гражданским законодательством о религиозных объединениях должна иметь свой исполнительный орган в количестве трех человек, избранный из среды членов церковной двадцатки (учредителей) на общем собрании открытым голосованием»¹⁴.

В связи с тем, что каждая приходская община получала в бесплатное пользование предоставляемый ей храм и церковную утварь от местной гражданской власти по договору и поручала хранение полученного имущества избранному ею из своей среды исполнительному органу, циркулярное письмо рекомендовало отцам-настоятелям предварительно согласовать кандидатуры всех членов исполнительного органа (а также и ревизионной комиссии) с местными гор(рай)исполкомами.

¹³ Там же. С. 224.

¹⁴ Там же. С. 339–340.

Кроме этого, в циркуляре подробно сообщалось об ответственности церковных советов, механизме работы ревизионной комиссии и хранении денежных средств, а также шла речь о вопросе состава исполнительных органов и ревизионных комиссий, изготовлении новых печатей и штампов, которые должны быть в каждом храме, особо подчеркивалась ответственность за деятельность прихода мирян и, прежде всего, лиц, избранных в исполнительный орган¹⁵.

Уполномоченный предварил действия епископа, пользуясь его отсутствием в епархии, и познакомил председателей гор(рай)исполкомов Тамбовской области с решениями Архиерейского Собора и Синода Русской Православной Церкви на целый месяц раньше, чем с ними оказались ознакомлены священнослужители и члены церковных советов. Сопровождение состоялось в июне 1961 года в здании Тамбовского облисполкома. На заседании уполномоченный познакомил собравшихся и с другими недавно вступившими в силу документами: постановлением правительства «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах» и «Инструкцией по применению законодательства о культурах», разработанной Советом по делам Русской Православной Церкви.

В августе 1961 года облисполком принял постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах», которое возлагало «осуществление контроля за деятельностью служителей культов» на заместителей председателей гор(рай)исполкомов. 29 августа в облисполкоме с ними было проведено совещание. На повестке дня стояли вопросы, рассмотренные в постановлении Совмина СССР от 16 марта 1961 года. Для председателей гор(рай)исполкомов по работе с церковными советами была разработана инструкция за подписью нового уполномоченного А.И. Зверева, сменившего на этом посту П.И. Чаузова, который проработал на этой должности чуть более полугода и заслужил среди священников репутацию мягкого, интеллигентного человека¹⁶.

Назначив ответственных за работу церковных советов, государство, по сути, полностью подчинило Церковь, с этого момента архиерей номинально считался управляющим, фактически не имея никаких рычагов управления. Кроме того, в течение 1961 года

¹⁵ Циркуляр благочинному Моршанским благочинническим округом протоиерею Павлу Гулынину. Личный архив протоиерея Александра Сарычева.

¹⁶ Чеботарев С.А. Указ. соч. С. 227.

принимались дальнейшие меры по лишению их самостоятельности и по передаче полного церковного управления в руки гор(рай)советов. Одним из таких моментов стал обмен печатей и штампов.

Летом 1961 года все церковные общины сдали в епархиальное управление для обмена печати и штампы, которые раньше находились у настоятелей храмов. Новые печати были изготовлены по заказу уполномоченного и переданы заместителям председателей гор(рай)исполкомов, которые в свою очередь должны были вручить их председателям исполнительных органов храмов, находившихся на территории их района. Такой путь передачи печатей и штампов, по словам уполномоченного, был избран для того, чтобы «гор(рай)исполкомы при вручении печатей и штампов ближе познакомились с членами церковных советов и ревизионных комиссий»¹⁷.

В мае 1961 года для председателей райисполкомов, на территории которых находились святые источники или чьи жители больше других предпринимали паломничества к ним, было подготовлено еще одно письмо за подписью заместителя облисполкома с рекомендацией усиления антирелигиозной агитации в районе, особенно в дни православных праздников. В письме предлагалось на местном уровне принять решение, запрещающее подобные паломничества и привлечь средства массовой информации для разъяснительной работы, а также вызывать организаторов паломничеств в райисполком для предупреждения об ответственности. Предпринятые меры принесли и первые «успехи»: за весь 1961 год районным властям удалось прекратить паломничества к 10 из 12 наиболее чтимых в народе святых мест, но как только давление ослабевало, число паломничеств резко увеличивалось.

Похожая ситуация сложилась и с участием верующих в церковных Таинствах. Надеясь сократить количество совершения Крещений, власти в 1962 году усложнили процедуру: теперь при совершении Таинства должны присутствовать оба родителя и выразить свое согласие на совершение Крещения. В случае невозможности присутствия им надо было оформить письменное согласие. В результате принятое положение дало прямо противоположный результат: процент совершения Таинств повысился. Проведя анализ ситуации, выдачу справок признали не эффективным методом в борьбе с религиозными культурами, а, наоборот, «способствующим

¹⁷ Там же.

возрастанию религиозной обрядности». Инициаторы такой работы были наказаны, а в гор(рай)советы поступило из облисполкома письмо с требованием прекратить эту практику. К 1963 году подобные справки уже не выдавались.

Пресекалось со стороны властей и совершение священнослужителями треб на дому, чтобы денежные средства не проходили мимо церковной кассы. «Непослушных» священников за это нарушение наказывали. Только за 1962 год было снято с регистрации 10 священнослужителей. Надо добавить, что по сравнению с 1940–1950-ми годами причин для снятия с регистрации священника стало в несколько раз больше: даже самая незначительная мелочь могла послужить поводом, часто надуманным или спровоцированным. Заинтересованы в этом были и церковные советы, кадры для которых подбирались уполномоченным через гор(рай)советы. Если вдруг по каким-то причинам церковным советам не нравился священник, то возникали дразги, писались бесконечные письма-жалобы, которые отсылались во все инстанции и отнимали много сил и времени у епископа, внося смуту и раздор среди верующих.

Все же эти действия вместе взятые подрывали авторитет Церкви и были выгодны уполномоченному, так как «раздирали» Церковь изнутри. Принятие решения о подчинении церковных советов уполномоченному и гор(рай)советам, которого так желали уполномоченные, «оправдало себя и принесло соответствующие плоды»: положительные для Совета по делам Русской Православной Церкви и очень горькие для самой Церкви»¹⁸.

Рассматриваемый период характеризуется и закрытием храмов. Причем кроме уполномоченного с инициативой выступают еще и местные власти. Так были закрыты храмы в селах Первое Пересыпкино Гавриловского района и Новоюрьево Староюрьевского района, в городе Тамбове на Петропавловском кладбище и на городском кладбище города Мичуринска. Два последних кладбищенских храма было разрешено использовать только для совершения отпеваний и заказных поминальных богослужений.

По сравнению с послевоенными десятилетиями 1961–1962 годы стали наиболее тяжелыми в жизни всей Церкви: именно тогда разрабатывались механизмы, которые определили дальнейшую перспективу епархиальной жизни.

¹⁸ Цытин В., прот. Указ. соч. С. 515.

В это время согласно решению облисполкома был осуществлен перевод священнослужителей на твердый оклад. Это стало возможным ввиду поступления всех денежных средств от треб в кассу церковных советов, которые в свою очередь выплачивали духовенству зарплату. При этом сократились отчисления на содержание Епархиального управления. В них церковные советы перестали быть заинтересованы, так как напрямую подчинялись уполномоченному и гор(рай)советам. Таким образом, несмотря на общий рост церковных доходов в начале 1960-х годов, экономическое положение епархиального центра существенно ухудшилось, снизилась и его роль в оперативном управлении приходами. Если раньше уполномоченные все вопросы деятельности Церкви решали исключительно через Епархиальное управление, то теперь – непосредственно с церковными общинами, а точнее с их исполнительными органами, но даже и в этих тяжелых условиях церковные иерархи искали средства и методы для контроля над ситуацией в епархии.

Так, указом от 26 января 1961 года «для постоянного контроля деятельности приходского духовенства, для улучшения связи епархиального управления с причтами храмов и для выполнения поручений правящего архиерея»¹⁹ епископ Михаил вновь учредил благочиннические округа: Тамбовский, Мичуринский, Кирсановский и Моршанский, восстановив работу благочинных. Сохранившиеся документы из переписки владыки с благочинными свидетельствуют об активизирующейся работе со стороны Епархиального управления, которую Его Преосвященство пытается восстановить с приходами через благочинных. Архиерей информирует их обо всех текущих делах в епархии: «В течение года, прошедшего с момента моего вступления в управление Тамбовской епархией, – пишет Преосвященнейший владыка, – накопилось большое количество фактических материалов о жизни приходов и деятельности приходского духовенства епархии, позволяющих мне сделать необходимые выводы для того, чтобы дать соответствующие указания епархиальным клирикам»²⁰.

¹⁹ АТЕ. Ф. 12. Указ управляющего Тамбовской епархией епископа Михаила об учреждении благочиннических округов.

²⁰ Информационное письмо благочинному. Личный архив протоиерея Александра Сарычева.

Владыка отмечает, что большинство клириков хорошо справляются с своими обязанностями вопреки трудностям и физическим немощам. В таких приходах установились добрые отношения между пастырями и пасомыми, исключая взаимные жалобы и нарекания. «Большинство приходского духовенства, – констатирует в письме епископ Михаил, – при исполнении своих обязанностей законопослушно исполняет все указания епархиальной власти, а также гражданские законоположения, регулирующие деятельность духовенства в Советском Государстве. Однако, к большому сожалению, приходится отметить, что имеют место и различные нарушения и недоразумения, происходящие в большинстве случаев от неправильного понимания духовенством своих основных обязанностей»²¹.

В письме владыка напоминает клирикам об их первейшей обязанности – совершать богослужения в храме и указывает на факты, свидетельствующие об «извращении этой исконной церковной нормы»²². Епископ указывает на недопустимость сложившейся практики, так как она наносит непоправимый вред церковному делу и основному установлению Церкви – соборности. Совершение богослужений и треб на дому без имеющихся на то существенных причин рассредоточивает, «распыляет» приход, ориентируя верующих на обособленность. Кроме того, такие священники, чрезмерно увлекаясь домашними требоисправлениями, допускают небрежность и торопливость в совершении богослужений в храме, часто сокращая их или пропуская. Для убеждения нерадивых владыка приводит в письме слова молитвы, которую священник произносит в конце каждой Литургии: «Исполнение Церкви Твоя сохрани», и недоумевает от того, что какая же может быть «полнота», какое «исполнение», если некоторые священники, совершая на дому без необходимости требы, отучают свою паству от храма, от соборной молитвы. Разъяснив, какой вред для Церкви приводят такие самочинные действия священников, нарушающие апостольские установления, епископ Михаил подчеркивает, что такое требоисполнение на дому противоречит и гражданским законам. «Ни один клирик не имеет права превышать свои полномочия, – предупреждает владыка, – сверх указываемых здесь

²¹ Информационное письмо благочинному. Личный архив протоиерея Александра Сарычева.

²² Там же.

границ. Объем совершаемых на дому богослужебных последований строго определяется вышеуказанными нормами»²³.

Панихиды и отпевания могут быть совершены и на дому, по приглашению родственников покойного, но только в тех случаях, когда тело усопшего по каким-либо причинам не может быть принесено в храм. Панихиды на дому после погребения усопшего, а также заочные отпевания вне храма не должны иметь место в священнической практике, недопустимы также и проводы покойников духовенством за пределами церковной ограды, в том числе и праздничные подворные обходы. «Предупреждаю, что все указания, – заключает епископ Михаил, – регулирующие порядок и объем требоисполнений, совершаемых вне храма, являются обязательными. Клирики, замеченные в нарушении данных указаний, будут рассматриваться как нарушители церковной дисциплины»²⁴.

Благочинным владыкой вменялось внимательно следить за выполнением архиерейского распоряжения и помогать приходскому духовенству, где это необходимо, разъяснять прихожанам значение и смысл общецерковной молитвы как основы жизни православного прихода. Благочинные, получив распоряжение от архиерея, информировали о нем священников своего благочиннического округа, о чем свидетельствуют подписи под документом.

Владыка оповещал благочинных, а через них и все приходы епархии, не только о своих распоряжениях, но и о документах, отправленных уполномоченному или в другие общественные организации, а также о бумагах, приходивших на его имя от уполномоченного или из других учреждений.

«Тамбовское Епархиальное Управление сообщает Вам для сведения, – пишет секретарь епархии благочинным, – что 13 августа текущего года за подписью Управляющего Епархией Пресвященного Епископа Михаила было послано письмо в Тамбовский областной Комитет защиты мира, в этом письме указано на роль приходов нашей епархии в деле защиты мира и на их активное участие в этом благородном деле, выражающемся в пожертвовании денежных средств в фонд Мира. Копия ответного письма из Тамбовского областного Комитета защиты мира прилагается»²⁵.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

В ответ на указ епископа об учреждении благочиннических округов на заседании облисполкома 23 февраля 1962 года было принято решение создать комиссии содействия по соблюдению советского законодательства о культурах. Комиссии учреждались с целью контроля за соблюдением духовенством и религиозными обществами законодательства о культурах, а также для изучения и анализа форм и методов работы священнослужителей с верующими, особенно с молодежью и детьми, знакомства с проповеднической деятельностью священников, деятельностью учредителей церкви – двадцатки, советом и так далее. Всего в области было создано 14 комиссий при райисполкомах и 35 – при сельских советах. В работе этих общественных органов принимало участие около 200 человек. В основном это были учителя школ, работники культуры, пенсионеры – активисты антирелигиозной работы. Комиссии содействия активно занимались «перестройкой церковного управления»: подбором новых, «прислушивающихся к рекомендациям» членов исполнительных органов церкви, помогали им поставить на место настоятелей, возмущавшихся своим бесправным положением в общине²⁶.

На любую попытку правящего архиерея систематизировать и улучшить ведение епархиальных дел и работу с духовенством, клиром и паствой власть тут же принимала ответные меры, еще более ограничивающие деятельность епархиального начальства. Но владыка Михаил продолжал изыскивать средства для контроля над ситуацией. Он всегда старался поддерживать духовенство, многим помогал материально, хотя на тот момент его зарплата была несколько ниже зарплаты священнослужителей.

По свидетельствам духовенства и клира, которому довелось служить в те годы под его началом, епископ Михаил был прост и доступен в общении, вместе с тем был очень интеллигентным, вежливым и скромным человеком, имел особый дар проповедничества. Будучи высокоученым богословом, он вместе с тем совершенно понятно мог истолковывать самые сложные моменты Священного Писания и церковные догматы православной веры, чем снискал уважение не только среди духовенства, но и мирян. Свое основное служение в сане архиерея он видел, прежде всего, в предстоянии пред Престолом Божиим и свидетельстве о Христе. Хотя

²⁶ Чеботарев С.А. Указ. соч. С. 229.

владыка на Тамбовской кафедре в этот период был совсем недолго, чуть больше полутора лет, расставаться при переводе в Ставропольскую епархию, по его признанию, было грустно. Епископ Михаил уже успел полюбить тех, с кем приходилось вместе служить и общаться, но с глубоким смирением принял новое определение Священного Синода, о чем и сообщал в своем прощальном письме благочинному Моршанским благочинническим округом священнику Павлу Гулынину: «Никогда не забуду Вашего ласкового гостеприимства и заботливого внимания и совместных служб. Прошу меня не забывать в Святых молитвах у Божиего Престола». Епископ просил отца Павла передать сердечный привет матушке, всем домашним и сослуживцам. После заключительных строк с призыванием на семейство священника Павла Гулынина милости и щедрот Божиих, а также благословения владыка Михаил делает приписку, в которой передает привет некому Ивану Андреевичу и просит сообщить, что написал ходатайство о его пенсии, советуя, что ему для получения ее еще необходимо сделать²⁷.

Предполагаем, что это письмо, написанное в ноябре 1962 года владыкой Михаилом перед отъездом из епархии, было не единственным. В этот же период епископ Михаил продолжает научно-публицистическую деятельность, публикуя свои труды по исследованию творений святителя Мефодия Патарского в новом журнале «Богословские труды», к созданию которого Преосвященнейший владыка имел прямое отношение.

Попытки создания периодического издания, целиком посвященного богословской тематике, относятся к 1946 году, а разрешение и подготовка первого номера стали возможными только в 1957 году. Первое заседание редколлегии прошло под председательством епископа Михаила, управляющего тогда Смоленской и Дорогобужской епархией. Владыка сообщил собравшимся, что согласно резолюции Святейшего Патриарха Алексия I они являются редколлекцией нового учреждаемого издания, которое будет выходить два раза в год томами по 20 печатных листов в каждом и тиражом в 3000 экземпляров и призвано отражать богословскую мысль Русской Православной Церкви. Сборник будет содействовать развитию научной работы в высших духовных школах и показывать, в том числе

²⁷ Письмо благочинному Моршанского благочиннического округа протоиерею Павлу Гулынину. Личный архив протоиерея Александра Сарычева.

и перед внешним миром, пути русской богословской творческой мысли. Председателем редколлегии был назначен епископ Михаил, общее руководство изданием должен был осуществлять митрополит Коломенский и Крутицкий Николай²⁸.

С тех пор прошло еще пять лет, прежде чем вышел первый номер. Это произошло в июне 1960 года, хотя выпуск был датирован 1959 годом. Ситуация с тех пор несколько изменилась, владыка в связи с удаленностью места своего назначения имел меньше возможности бывать в Москве и теперь вошел только в члены редколлегии журнала, но также принимал в нем самое активное участие. Только в 1961 году в выпусках журнала напечатано 6 статей епископа Михаила: Предисловие к извлечению из славянского сборника творений священномученика Мефодия; Мефодий Патарский, священномученик. К [С] истелию о прокаже (к Истелию о прокажении); Мефодий Патарский, священномученик. Молитва (из сочинения «О воскресении»); Мефодий Патарский, священномученик. О жизни и о разумной деятельности (слово второе «О житии и деянии разумъне»); Мефодий Патарский, священномученик. О пиявице, о которой говорится в книге Притчей, и о (словах) «Небеса проповедуют славу Божию» («О пиявице сущии в притчах и о Небеса исповедают славу Божию»); Мефодий Патарский, священномученик. О различении яств и о телице, упоминаемой в книге Левит, пеплом которой окроплялись грешники (о разлучении яди и о юници менимеи в левитице еяже пепеломь грешнии кропяхуся). Вероятно, из-за занятости епархиальными делами в 1962 году владыка Михаил смог подготовить для публикации в «Журнале Московской Патриархии» только Слово на праздник Вознесения Господня.

²⁸ Богословское творчество в Русской Церкви. 50 лет альманаху «Богословские труды» // ЖМП. 2011. № 5. С. 89–90.